

НАЦИОНАЛ-МАКСИМАЛИСТЫ (УТВЕРЖДЕНЦЫ)

Ю. А. ШИРИНСКИЙ-ШАХМАТОВ

Об антитезисе

Для многих до сих пор еще не стало ясно, что капиталистический строй столь же мало приемлем для христианина, сколь и коммунистический. Из обширной переписки с молодыми читателями нашего журнала выяснилось, что некоторые еще находятся во власти упрощенной схемы: «мы — против коммунизма; капитализм — главный враг коммунизма: значит — мы с капитализмом союзники». Другие отстали еще больше и рассуждают еще примитивнее: если будет война какой-либо иностранной державы с СССР, возьму винтовку и пойду с иностранцами «против большевиков». Видимо, не отдают себе отчета, что фактически пойдут отвоевывать «Одессу для Бухареста и Киев для Варшавы». Это последнее обстоятельство побудило нас дать во второй книжке «Утверждений» несколько статей, под разными углами зрения затрагивающих проблему интервенции. Вопросу же о сравнительной оценке капитализма и коммунизма в свете христианского сознания посвящена настоящая заметка. Пусть не ищут в ней «нового слова» — она преследует гораздо более скромные задачи: по возможности правильно *поставить* вопрос и тем содействовать скорейшему нахождению путей к его разрешению. Она, кроме того, написана для *молодежи*, той молодежи, которая сравнительно мало знакома с литературой проблемы — и требует в своих письмах возможно более *популярного изложения* разрабатываемых тем.

* * *

Применять диалектический метод при изучении борьбы капитализма с коммунизмом, рассматривать их как тезис и антитезис — можно только в плане *экономическом*; в этом плане и должен быть найден пореволюционный *синтез проблемы*. Но это — дело экономистов. С христианской же точки зрения оценивая оба эти

явления — трудно, мне кажется, признать их тезисом и антитезисом: правильнее всего их счесть за две стадии развития одного и того же процесса, два аспекта одной и той же материалистической сущности.

Если уж подходить к истории во всеоружии гегелевской триады — то, казалось бы, правильнее принять за тезис схоластически-догматическое *средневековье*, за антитезис — период *панматериалистический* (ныне, видимо, завершающий свой путь) — и искать синтезис в новом, свободном *социальном* раскрытии христианства. Конечно, и «сакральный» период средневековья, и нынешний ультра-материалистический — во времени не соприкасались; между ними — значительная прослойка; это объясняется тем, что на кривой исторической температуры они являются лишь кульминационными точками; дуга же этой «кривой» прочерчивается сравнительно плавно, оставляя между максимумом подъема и максимумом падения достаточно значительные «переходные пространства». Принимая такую условную схему — надо ясно отдать себе отчет, что и искомый нами синтез не реализуется в ближайшем же будущем; разрешение намеченной задачи этим, конечно, не отодвигается куда-то вглубь истории — но реализация синтеза (бердяевского *нового средневековья*) становится все же проблемой еще не завтрашнего дня.

В задачу настоящей заметки входит, как выше было сказано, исключительно рассмотрение и оценка с пореволюционной точки зрения элементов *антитезиса*: современного панматериалистического периода в обоих — капиталистической и коммунистической — формах его проявления. Этот период прежде всего характеризуется (преимущественно в странах европейской цивилизации) *вырождением культуры*. Вспомним забытое значение слов: «культура» — от *культы*; основа и источник культуры — религия; она — путь утверждения *духовных* ценностей. Цивилизация есть «гражданзация» жизни — передвижение центра тяжести в план материальной организации.

Выродившаяся культура, именуемая цивилизацией, — основана на примате материального над духовным, интересов над идеями, частного над общим. Критической фазой развития первого этапа материалистической болезни и является т. н. *капитализм*.

Какова его идеология? Его цели? Его средства?

Никакой идеи у капиталистического мира *нет*. Сладенькие идейки, когда-то считавшиеся «высокими», — сейчас звучат циничною ложью: в этом мире предельный разрыв между словом и делом. Как от веры осталась ныне одна догматика — так от идеалов 18-го века остались лишь сентиментальные, фаль-

шивые слова; жизнь эгоистична, безжалостна, груба. Ее убогий «идеал» — работать возможно меньше, зарабатывать возможно больше; в пределе — не работать вовсе. Но так как кто-то за кого-то все-таки должен работать — то достижение «идеала» одним сводится просто к переложению ноши на плечи других, т. е. покушается *эксплуатацией*, прибавочным трудом других.

В капиталистическом мире нейтральная буржуазная «мораль» лишь механически регистрирует успехи одних и гибель других в *узаконенной* борьбе каждого против каждого и каждого против всех; иногда даже всех против всех — рабочих против предпринимателей, предприятия против предприятия, государства против государства.

Невольно возникает мысль: и *это* — социальный уклад тех народов, которые принято именовать «христианскими»? И этот строй нередко берут под свою защиту христианские церкви?

Ведь нынешний «цивилизованный мир», еще по слову Уайльда, «знает цену всему, но не видит ни в чем *ценности*»; все ныне расценивается исключительно по своей способности к «капитализации»: на дружбе можно заработать, если у друга есть связи; ум ценится как «комбинационная» способность в деловой сфере; честность давно признана выгодной в «некоторых случаях» коммерческой тактикой. Авторитетен лишь богатый, ибо богатство — абсолютный критерий всех достоинств. Разве можно в подобной обстановке говорить о взаимопомощи, взаимоподдержке? Представители «экономической эпохи» если и пробуют иногда создавать коллективы (например, паевые товарищества), — то лишь для того, чтобы стать сильнее в борьбе с противниками, для более быстрого уничтожения более слабых — ибо не столько в создании «полезностей» (пусть даже материальных) — сколь в разорении конкурента, в подрыве результатов его творческого усилия — основной пафос по природе своей глубоко «отрицательной» капиталистической стихии. Паразитическая *биржа* недаром всегда помещается в «храмообразных» зданиях — под знаком поклонения ей проходит целая эпоха. Вся эта обстановка естественно порождает резкую противопоставленность каждого индивидуума — всем остальным, приводя к исчезновению всякого духа действительной солидарности, к крайнему *индивидуализму* — самому характерному явлению капиталистического мира. Этот эгоистический индивидуализм обладает свойством в итоге своего развития совершенно лишать человека *индивидуальности*; чем в сущности отличается современный средний француз от среднего немца? Те же интересы, тот же кругозор. Капитализм с успехом начинает процесс *нивелировки* человечества (уже не говоря про стандартизацию одежды, пред-

метов домашнего обихода, даже жилстроительства) — создавая первые ступени лестницы, прямо ведущей к коммунистической «обезличке». А рядом с этим произносятся с подобающим пиететом слова о человеческой личности — «единой и неповторимой».

Как же все-таки с таким социальным укладом до сих пор могло мириться христианское сознание? Может ли оно терпеть, не обличать, не подымать даже вопроса о предельной греховности всего этого строя жизни?

Ведь извлечение материальной пользы — цель «экономического человека», ею определяются все «человеческие» взаимоотношения; эта материальная польза символизируется в *деньгах* — наиболее безличной форме капиталистического права собственности. В далеком прошлом собственность могла еще быть в некоторых случаях оправдана: между творцом ценности и его творением возникала некая цепь духовного взаимодействия. Но при капиталистическом строе нет больше никакой внутренней связи между собственником и собственностью: контрольный пакет, акция, денежный знак, чек — лишь «теоретические» ценности, даже, скорее всего, просто некие фикции. Ведь и деньги не реальные — это фантазмы, это *собственность цифр* в бухгалтерских книгах. Такое право собственности уже начинает терять под собой всякую моральную почву; капитализм сам рубит сук, на котором еще держится. Деньги становятся неким «векселем на удовлетворение всех желаний» — и в капиталистическом мире растет одна, общая всем, мечта: разбогатеть как можно скорее, все равно, в сущности, какими средствами, — все для богатства, все через богатство... Начинает бушевать стихия накопления — переходящая в манию накопления ради накопления. Капиталист все больше и больше становится рабом своего имущества; материя окончательно поработощает дух; рабочий — уже раб машины: не «человек выбирает себе орудие» — к орудию подбирают человека. Материя становится богом в капиталистическом царстве...

Может ли с таким строем мириться христианская совесть?

«Свобода, равенство, братство» — вот показной фронтоном капиталистического мира; если б эти слова хоть в какой бы то ни было степени претворялись в жизнь — еще можно было бы простить, что они являются пошленькой пародией на христианские заветы. Но даже и на этом девизе буржуазного мира можно проверить наличие того трагического разрыва между словом и делом, который характеризует современный капиталистический строй; его лживость настолько цинично обнажена — что сама придает борющейся с капитализмом коммунистической неправде некое право апеллировать к чувствам правды и справедливости.

Скандалные результаты обследования американских тюрем комиссией Уикершэма обнаружили перед лицом всего мира, что в самой капиталистической из капиталистических стран жесточайшие *пытки* являются *обычным* средством для получения «добровольного признания». Детей «наказывали плетьюми, сажали в ледяную воду». Не лучше поступали со взрослыми — «одному арестованному лили воду через ноздри, пока он не согласился признать на суде все, что требовала полиция»; «некоторых арестованных подвешивали головой вниз к потолку и затем пускали в камеру слезоточивый газ» (буржуазная газета «Последние новости», №№ 3761 и 3794).

В этой области коммунизм только достраивает заложенное капитализмом здание. То, что в буржуазном мире делается официально, — в коммунистическом свершается официально. Разница не качественная — а количественная.

Капитализм сам вынашивает и возвращает в себе микроб той болезни, которой суждено унести его в могилу, — и имя этой болезни: коммунизм.

Современный промышленник в своей работе настолько обусловлен всей экономической конъюнктурой, что он уже не в состоянии руководить *своим* производством, приспособлять его к емкости рынка. Он должен производить не останавливаясь — и все время усиливая темп производства; задержка часто равносильна потере всего состояния. В таких условиях и возникает та «анархия (вернее: панархия) производства», которая неминуемо ведет к кризисам, крахам и банкротствам капиталистов, уносящих с собой в пучину разорения сотни, а иногда и тысячи мелких буржуа, поместивших деньги в акции или прельстившихся высоким спекулятивным процентом. В критические моменты капитализм начинает *тосковать по организации*; отсюда — современные беседы о необходимости внесения *планового* начала, о «капиталистических пятилетках»; в этом смысле коммунизм есть только *следующая стадия развития капитализма* (госкапитализм) — или, по выражению Б. П. Выше-славцева, — «капитал-коммунизм», — завершительный этап все той же единой материалистической болезни.

Мне думается, что Капинтерн, несмотря на все усилия, не сможет долго противостоять Коминтерну: капитализму присущ органический порок взаимозависти и взаимоненависти; это не только ослабляет его сопротивляемость — но и делает победу над ним коммунизма, построенного *на общности* зависти и *общности* ненависти совершенно *неизбежной*.

Капитализм всеми мерами сам увеличивает кадры своих врагов; он возносит только немногих — и топчет в грязь и нищету огром-

ное большинство тех самых, трудом коих вознесены первые; он создает быт, при котором рядовой человек должен надрываться $\frac{3}{4}$ своего жизненного пути на работе, убивать молодость и радость жизни — чтобы к 60-ти годам (да и то не всегда) инвалид, внутренне опустошенный, мог начать «пользоваться благами» того существования, которое ему самому давно успело опротиветь. Капитализм, афишируя наглое богатство, всюду сеет зависть, алчность, мстительность, воспитывает грубость, безжалостность и жестокость — т. е. те самые чувства и силы, которые им самим двигают и владеют — притом возвращает их *против себя*. «*Quis vult perdere — dementat*»¹. И Бог с ним: не наше дело спасать такой порядок.

И еще раз спрошу: могут ли христиане благословлять капитализм? Могут ли мириться с ним? Могут ли солидаризироваться с капитализмом в его борьбе с коммунизмом? Ежели мне скажут, что капитализм есть все-таки зло *меньшее* — отвечу другим вопросом: могут ли христиане утверждать новый догмат — «благословение наименьшего *зла*»?

Однако все эти вопросы относятся к первой половине проблемы и требуют дополнения другим вопросом: а не должно ли в таком случае христианское сознание солидаризироваться с коммунизмом в его борьбе против капитализма?

Ответ может быть дан без всякого колебания: конечно, *нет*. Но нельзя все же при этом не указать, что и духовенство, и миряне несут большую долю ответственности за само *возникновение* коммунизма: капитализм должен был быть взорван и преодолен организованным *христианством*. Но христианство это в новых условиях «растерялось» (выражение Н. А. Бердяева) — и за осуществление социальной справедливости, за дело, христианами не сделанное, — взялся «сатана»: материалистический коммунизм. Теперь для христианства проблема преодоления капитализма не имеет уже актуального значения, задача должна быть поставлена шире и глубже: христиане должны преодолеть *всю болезнь целиком*, обе ее стадии.

Для всякого сколько-нибудь внимательного наблюдателя должно быть ясно, насколько коммунистический материализм является лишь логическим «продолжением» капиталистического, насколько они внутренне связаны и взаимообусловлены. В коммунизме только острее, окончательнее торжествует стихия отрицания — уже потому хотя бы, что в отрицаемую сферу включается и сам капитализм.

Прежде чем говорить о коммунизме — отмечу, что он еще нигде в законченном виде себя не показал. В России он находится лишь

в первоначальной стадии развития, а китайский опыт, имевший место много веков назад, ничего общего с современными коммунистическими теориями не имеет. Но о *духе* марксистского материалистического коммунизма, о взятом им направлении, о его истоках и по его истокам — мы судить о нем можем. И поскольку коммунизм уже успел обнаружить в жизни свое лицо — мы видим у него тот же, даже еще более ярко-выраженный, разрыв между словом и делом. На фронте здания — освобождение труда, международная солидарность, раскрепощение угнетенных, установление справедливого социального уклада. А на практике? На практике 99% пролетариев из числа считающих себя коммунистами именуют себя таковыми лишь потому, что или потеряли надежду стать, или стремятся стать (менее наивные)... «буржуями». Зависть — вот психологический момент зарождения современного действенного коммунизма; зависть, алчность и мстительность — т. е. дальнейшее развитие все тех же стихий, которые определяют собой моральный облик капиталистического мира. Это все то же «меньше работать — больше зарабатывать», в пределе — ничего не делать. Паразитизм — вот тот «идеал», к которому стремится средний «экономический человек» — в обоих своих вариантах, коммунистическом и капиталистическом.

Выше было сказано, что капиталистический индивидуализм нивелирует людей? И что коммунизм отрицает этот индивидуализм? Да, конечно; но в коммунистическом коллективе человеческая личность растворяется уже *бесследно*.

Капитализм обожествляет технику, машину? А коммунизм? Он идет в этом направлении еще дальше: машина — бог, идеал совершенства. Недавно можно было прочесть в одной из советских газет письмо комсомольца, приводившееся как *образец*: автор радостно сообщал, что он «наконец-то» чувствует себя совсем... машиной! В коммунистическом мире уже окончательно не машина служит человеку, а человек машине.

У капитализма нет настоящей идеологии? Она лжива, оторвана от жизни? Коммунизм, конечно, отрицает буржуазную идеологию. Но он отрицает и всякую идеологию *вообще*, считая простой «надстройкой» над экономическими интересами.

Капитализм — стихия эгоизма? Верно. Но он — стихия «эгоизма одиночек». В коммунизме же утверждается тот же эгоизм — но соответственно амплифицированный: эгоизм *класса*. Капитализм мстителен? Конкурент не прощает конкуренту? Да, но в коммунистическом мире мстительность целого класса идет еще дальше: класс, бывший угнетенным, — сам хочет угнетать других (не равенство, а *диктатура* пролетариата). Сие объяс-

няется, конечно, самыми альтруистическими соображениями: диктатура-де нужна для *общего* блага. Но эта идеология мало убедительна, ежели она исходит от людей, всякую вообще идеологию провозглашающих гримом, долженствующим прикрыть эксплуататорские вождения (напр., жизнь города за счет деревни). В капиталистическом мире человеческая личность перестает быть «образом и подобием Божиим»? Надо ли говорить, чем она становится в мире коммунистическом? В обоих этапах материалистического цикла наличествует только «экономический человек» — фабрикуемый «сериями», как штампованные жестяные пепельницы. Дух вытравливается окончательно; ежели в капитализме — всем укладом жизни, то в коммунизме, кроме того, часто методами значительно менее гуманитарными — но и более действительными.

Борьба — жизненная *практика* капитализма? Да. Но коммунизм вводит идею борьбы в свое *мировоззрение*, как некое всеопределяющее начало: вся история человечества для коммуниста есть лишь история борьбы классов и экономических интересов.

В капиталистическом мире царствует эксплуатация? Да. А коммунистическое государство не будет рабочего эксплуатировать, не эксплуатирует уже сейчас? А разве человеку легче, если эксплуатирует его государство, а не частник? Скажут — государство — для общего блага. Но ведь государство руководится людьми, а люди могут ошибаться. Особенно при определении общего блага...

Думается, после всего вышесказанного трудно даже повторить ранее заданный вопрос: не должно ли христианское сознание солидаризироваться с коммунизмом в его борьбе против капитализма.

Христиане не только не могут становиться на сторону одного или другого в борьбе капитализма с коммунизмом — они должны четко и определенно занять позицию против того и против другого — притом не ограничиваясь, конечно, только одной «отрицательной» позицией, а давая свое, утвердительное разрешение социальной проблемы.

Однако обе стадии материалистического цикла все-таки кое в чем отличны друг от друга. И в этой отличности уже просвечивает приближение синтетической эры.

Капитализм безразличен к религии — он арелигиозен («лаичен») по преимуществу; коммунизм же активно антирелигиозен, выходя уже тем самым из *сферы равнодушия*; он бессознательно строит некую «новую религию» (не только религию антирелигиозности) — ибо воспринимается адептами главным образом не «разумом», как политические теории в капиталистическом мире, — а *верою*: верою в «евангелие» Маркса и Энгельса, в «пророка»

Ленина, в «рай» осуществленного социализма, в праведность единой и единственной религии (коммунистической), в обеспечение ею спасения «избранных». В противовес капитализму «религия безбожничества» выводит всю религиозную проблему в совершенно иное измерение, в план столкновения *двух противопоставленных вер*: веры в Бога Живого — и веры в бога-экономиста. Родившись из отрицания, будучи воплощенным отрицанием, — коммунизм естественно противостоит всякой положительной религии, насыщенной утверждениями — каковой религией по преимуществу и является христианство.

Коммунистическая доктрина утверждает, что она заканчивает собой процесс развития форм человеческого общежития (пресловутое *сальто-мортале* в «царство свободы»). Насколько капитализм по природе своей «бесцелен» или, вернее, «многоцелен» (бесконечное количество отдельных людей, стремящихся обогатиться) — настолько коммунизм целеустремлен и психологически *конечен*: его цель — «рай на земле», окончательное и счастливое разрешение всех вопросов раз и навсегда. Для коммунизма в некий определенный момент *история останавливается**.

В этом ощущении своей «конечности», «завершительности» — коммунизм и прав, и не прав; он, бесспорно, завершает собой материалистический цикл; но ведь материалистический цикл сам не предельен, не конечен в человеческой истории: он только антитезис средневекового периода царства религиозной схоластики. В коммунизме, являющемся в одном разрезе «обратной стороной капиталистической медали», заложена еще и другая «обратность»: эта «обратность» — некий *негатив* христианского социального уклада, некая «обратная» духовность — во всяком случае, *переходность* к духовности. И в этом смысле коммунизм есть несомненный шаг вперед по сравнению с капитализмом. Пусть коммунизм ставит ряд вопросов наизуоборот — он их уже ставит, тем самым вопреки себе подготавливая выход процесса в иной план, духовно-насыщенный. Надо только ясно отдать себе отчет, что в коммунизме, как *негативе* фотографическом, мы видим лишь «обратную расцветку» социального уклада христианского; все, что в негативе кажется светлым и прозрачным, — в действительности темно и беспросветно — и наоборот, темным закрашено все светлое и солнечное. Но если во всяком негативе расцветка *ложная* — то контуры правильны: вся *проблематика* Революции для нас приемлема (мы это уже заявляли в первом номере

* Интересно будет как-нибудь проследить метафизические истоки этого примитивного эсхатологизма.

журнала) — резко отрицаются нами лишь те «решения проблем, что вытекают из уже отжившей, ставшей тем самым в известном смысле *реакционной*, коммунистической догматики». На то негатив и «*негативен*», отрицателен — чтобы готовить создание *позитива*, «утвердительного» отпечатка, положительного изображения. Не раз уже приходилось говорить о коммунизме как негативе *соборности*, об интернационализме как негативе *вселенскости*...

Всякий негатив есть не цель, но средство; коммунистический этап — лишь средство, использованное историей для подготовки *преддверия* нашей исторической миссии, правда, пока еще лишь в *теневой* ее части.

Мы верим: лучи солнца Российской Идеи, преодолев сопротивление темного коммунистического негатива, запечатлеют на экране грядущего образ *преображенный*.

